

Глава 6

В первые годы после основания династии Великая Цянь война следовала за войной, и лишь недавно в стране воцарился относительный мир. Народ ещё не успел оправиться от былых потрясений и жил небогато: в большинстве домов ели лишь дважды в день, стараясь сберечь каждую горсть зерна.

В последнее время жизнь стала понемногу налаживаться. Семьи вроде Лю, где работали много, ели досыта и не знали нужды, перешли на трёхразовое питание. Однако старые привычки искоренить трудно — по традиции главным приёмом пищи оставался ужин, и гостей на праздничные пиршества созывали именно к вечеру.

— То-то я и гляжу, отец, что ты не пожалел такого жирного борова.

Ткань в эти времена ценилась наравне с монетами, а учитывая, как часто меняется мода и как легко портится товар, открыть собственную мануфактуру мог лишь человек с весьма солидным капиталом. Господин Ци явно принадлежал к числу таких счастливицов. Семья его три поколения держалась на единственном наследнике, и теперь, когда в доме наконец появился внук, праздновать следовало с небывалым размахом.

Отобедав, отец и сын поспешили в город. Другие мясники, чей достаток позволял не только мясо возить, но и скотину на закупку собирать, давно обзавелись воловьими упряжками. Семья Лю по-прежнему обходилась простой деревянной телегой, которую приходилось тянуть самим.

Впрочем, в этой бедности был свой расчёт. В старом доме Лю, глядя на их скромный транспорт, полагали, что хоть Старший Лю и нажил кое-какое добро, богатства его невелики. Наверняка, мол, и на дом-то в долг занимал, раз не на что вола купить. В деревне ведь как заведено: появились лишние деньги — либо землю бери, либо скотину, чтобы пахать споро да урожаи собирать. Это и считалось настоящим делом.

Тяньцзяо и сам подумывал справиться отцу вола, но крепкое молодое животное стоило добрый десяток лянов — цена целого му отличной заливной пашни. Старший Лю упёрся наотрез: мол, сил у него в достатке, к чему тратить на скотину? Юноша в ответ лишь ворчал, что отец по собственной воле в ярмо лезет. К счастью, сын теперь и сам возмужал, и вдвоём тянуть телегу было вовсе не в тягость.

Добравшись до города, они первым делом доставили мясо к усадьбе Ци. Семья эта в округе была на слуху: добротный дом в четыре двора, где жизнь кипела и пенилась. Повсюду сновали повара, служанки и слуги: кто овощи моет, кто мясо рубит, кто посуду расставляет. Суэта стояла невообразимая, но во всём этом хаосе чувствовался строгий порядок.

В центре двора стоял юноша-гэ'эр в нежно-голубом халате. Его лоснящиеся чёрные волосы были аккуратно собраны на затылке и перехвачены лентой, где кипенно-белый цвет переплетался с благородной лазурью. Эта деталь лишь сильнее подчёркивала его утончённый, почти неземной облик. У него было овальное лицо с чётко очерченными скулами, прямой нос и

чуть приподнятые брови, придававшие взгляду налёт холодного безразличия. Но стоило посмотреть в его глаза — тёмные, влажные и округлые, — как в облике проступала неожиданная живость и мягкость.

Тяньцзяо никогда прежде не встречал столь прекрасного создания. На миг он замер, не в силах отвести взора, зачарованный этой красотой.

Рослый парень с тушей мяса на плече тоже не остался незамеченным. Ци Минцзэ окинул взглядом этого статного пришельца с круглым лицом и забавным, остолбеневшим выражением на нём. Юноша не выдержал и насмешливо бросил:

— Долго ещё будешь любоваться? Или мне подойти поближе, чтобы ты получше разглядел?

Смуглое лицо Тяньцзяо мгновенно залила густая краска. Он забормотал, запинаясь:

— Н-нет, не стоит.

Собеседник улыбнулся ещё лучезарнее:

— И чей же ты будешь, такой забавный? Раньше я тебя здесь не видел.

Сын мясника честно ответил:

— Я сын мясника Лю Лаода.

Опасаясь, что Минцзэ сочтёт его невеждой, он поспешно добавил:

— Я ничего дурного не замышлял, просто... просто никогда не видел человека столь же прекрасного, как вы, братец. Я немного... немного...

Собеседник понимающе кивнул:

— Что ж, ты говоришь правду. Я и сам ещё не встречал никого красивее себя. Впрочем, и ты весьма недурен.

— В самом деле? — Цзяо-гэ'эр привык, что в деревне его считали грубым и совсем не похожим на ладного гэ'эр. Услышать похвалу от этого существа, похожего на небожителя, было до того непривычно, что сердце его наполнилось робкой, щемящей сладостью.

Ци Минцзэ глянул на небо — время поджимало.

— Сегодня мне недосуг с тобой болтать, нужно за пиром приглядывать. Как освободишься в другой день — заходи ко мне, поиграем.

Парень даже оробел от такого приглашения:

— Разве так можно? Моя семья только свиней резать и умеет, а я...

— А ты что?

Голос Тяньцзяо упал:

— Я ведь с отцом всё время в мясной лавке провожу. От меня вечно пахнет нехорошо. Вы такой красивый, братец, негоже мне вас своим духом стеснять.

Минцзэ и не подумал менять улыбку на лице:

— И где же этот запах? Я вижу только, что ты чист и опрятен.

Не давая собеседнику вставить и слова, он подозвал слугу:

— Этот гэ'эр мне по сердцу. Скажи привратнику, чтобы впредь впускали его без лишних расспросов.

Затем он велел принести зелёную шёлковую ленту.

— Этот цвет тебе очень к лицу. Считаю это подарком от старшего брата при первой встрече. Носи на радость.

Тот пытался было отказаться, но пришлось принять дар. Пообещав всенепременно зайти в гости, он вышел со двора в полном смятении чувств.

Лю Лаода, заметив странную задумчивость сына, спросил:

— Цзяо-гэ'эр, что с тобой? Словно душу по дороге потерял.

Сын лишь глупо хихикнул в ответ:

— Отец, я тебе сейчас такое скажу... Я только что встретил настоящего небожителя.

— Какого ещё небожителя?

— Сына господина Ци, брата Минцзэ. Он красив, точно сошёл с картины, и притом — добрейшей души человек. Он мне даже ленту подарил!

Он достал бережно завернутую в платок полоску ткани — изумрудно-зелёную, длинную, сияющую под лучами солнца благородным блеском. Старший Лю, выдавший в жизни немало ценных вещей, сразу понял: вещица дорогая.

— Красивая... Но ведь вы с ним едва знакомы. С чего бы ему одаривать тебя столь щедро?

Отец знал характер сына — тот всегда помнил о приличиях и никогда не стал бы пользоваться чужой добротой почём зря. Тяньцзяо, смутившись, пояснил:

— Братец сказал, что я мил лицом... Будто мы старые знакомые, и он хочет со мной дружить.

Лю Лаода расхохотался, преисполненный гордости за сына:

— Вот оно что! Значит, не только мне мой сын по сердцу.

Тяньцзяо задумчиво добавил:

— Раз он ко мне со всей душой, я тоже должен его отблагодарить. Отец, как думаешь, что мне принести ему в следующий раз?

Лю Лаода лишь озадаченно почесал в затылке. Пропасть между их домами была слишком велика. Что из еды или безделушек могло удивить обитателя богатого дома, который и так видел лучшее?

— Тут я тебе не советчик, сын. Думай сам.

И парень принялся размышлять.

Слуга Ци Минцзэ тоже не скрывал удивления. Столько людей перебивало в их доме — и из знатных семей, и скромных красавиц, — но никого молодой господин не выделял. А тут вдруг такая забота о сыне мясника! Да ведь это украшение было непростым: господин Ци специально просил привезти его из столицы. Из одной ткани и в одном стиле было сделано три ленты разных цветов.

Молодой господин ими очень дорожил. Когда недавно гостившая у них двоюродная сестра заглядывалась на подарок и всячески намекала на него, он и бровью не повёл.

Этот слуга вырос вместе с Минцзэ и был с ним в доверительных отношениях, а потому спросил напрямую:

— Молодой господин, отчего вы отдали столь дорогую вещь этому гэ'эр из мясной лавки?

Минцзэ улыбнулся:

— Разве ты не видишь, какой он славный? Кажется простаком, но знает цену вещам и словам. Он куда лучше тех глупцов, что мнят себя хитрецами. На него просто смотреть — и то радостно.

— Как это — смотреть и радоваться? — не понял слуга.

Минцзэ на мгновение задумался и покачал головой:

— Не знаю, как и объяснить... Просто чувствую, что он не такой, как другие. Он свободен и полон сил. Знаешь, в нём есть такая воля, как в зерне, которое всегда пробивается к свету, вверх.

Не то что он сам... Окружённый роскошью, но скованный скукой и запретами.

Тяньцзяо новая лента полюбилась всей душой. Он не привык прятать хорошие вещи в сундук, а потому на следующий день, нарядившись в чистое и повязав обнову, отправился к реке стирать бельё.

В деревне жили небогато. Девушки и гэ'эр обычно получали приличное украшение только к дню совершеннолетия. Его надевали на один день, а потом прятали до самой свадьбы. Те же, чья семья была жадна до выкупа или чья судьба в замужестве обещала быть суровой, берегли эти вещи как единственный способ не ударить в грязь лицом на свадебном пиру. В обычные дни о таком и не помышляли — в лучшем случае носили простую матерчатую ленточку, хорошо ещё, если выкрашенную в яркий цвет.

К совершеннолетию Тяньцзяо отец заказал для него серебряную шпильку весом в целых два ляна. Одного этого украшения хватило бы на приданное. Тогда многие кусали локти от зависти: одни говорили, что Старший Лю без ума от сына, другие ворчали, что он просто кичится деньгами и рано или поздно пустит всё по ветру.

Лю Цзинь'эр тоже исходила завистью. Она была дочерью Лю Лаоэра, и личиком бог её не обидел — в деревне она считалась первой красавицей. Вот только родители её все силы и средства вкладывали в старшего сына. Три года платили за его учёбу, но талантов у парня не оказалось. Тогда они потратили ещё больше, чтобы через связи устроить его в крупную лавку в городе — помощником к счетоводу.

Прошёл год, и когда ещё тот сын станет настоящим мастером — неведомо, так что семья Лю Лаоэра жила, затянув пояса.

Цзинь'эр знала, что она красавица, и в детстве жила куда сытнее кузена. Порой она даже жалела его и тайком подкармливала лепешками. Но шло время, её семья беднела ради брата, а дом дяди, наоборот, процветал. Теперь Тяньцзяо и ест лучше, и одевается краше, а её родители только и знают, что попрекать её да поколачивать. А то и вовсе поговаривают о том, чтобы отдать её в наложницы ради денег.

Жизнь Цзинь'эр была полна горечи, но спорить с родителями она не смела, и вся её злость невольно обратилась на родственника. Увидев сегодня у него на голове новую ленту — да такую дорогую, что даже его простое лицо словно осветилось, — она не выдержала.

Девушка долго кусала губы, но в конце концов съязвила:

— Цзяо-гэ'эр, ты бы хоть дядю пожалел. Зачем опять на такую дорогую безделицу тратиться?

<http://bllate.org/book/15343/1372742>